

Это было неожиданное чудо.

Будто его слёзы смахнули туман перед глазами, и расплывчатый силуэт фигуры постепенно обрел четкие очертания.

Мужчина, державший Егёля в объятиях, был ослепительно прекрасен — словно изваяние, выточенное из самого зимнего холода. Его лицо, холодное до хрупкости, будто готовое замерзнуть от одного прикосновения, сейчас искажало мучение.

— А...

Вздых сорвался с губ Егёля.

Если бы это был незнакомец, он, возможно, принял бы случившееся.

Но он знал это лицо. Пусть теперь мужчина выглядел старше, взрослее, Егёль ни за что не мог ошибиться — он видел этого человека слишком часто во сне.

Если это иллюзия... то жестокая.

Его губы задрожали, когда он прошептал:

— Старший брат...?

Чэ Халянь — старший ученик Куньлуня.

Человек, что был его наставником и старшим братом в прошлой жизни.

— Да. Это я. Ты меня узнаёшь?

Мужчина крепче сжал его плечи, и Егёль уставился на него в неверии.

Наверное, он ударился головой в аварии. Иначе это невозможно.

Почему мой старший брат здесь?

Это ведь даже не Центральные Равнины...

Егёль огляделся.

Берег реки, показавшийся ему странно знакомым, тянулся вдаль.

За туманом вырисовывался силуэт горы — такой высокой, что её вершина, казалось, касалась облаков.

Её величие сжимало грудь, не давая дышать.

Куньлунь.

— А...

По спине потек холодный пот. Его тело сжалось, словно пытаясь укрыться от реальности, что таяла вдали.

— Егёль!

В воздухе смешались запах дыма и металлический привкус крови.

Повсюду — здесь и там — лежали мёртвые и умирающие.

Здания, украшенные изображениями драконов — гордость секты Куньлунь, — пылали.

Алая пасть пламени пожирала даже жемчужину, зажатую в когтях каменного дракона.

Егёль крепче сжал меч — рукоять скользила от пота.

Прошёл всего месяц с тех пор, как ему впервые разрешили держать настоящий клинок.

Он был самым младшим среди сверстников, и хотя его прогресс всегда был медленнее остальных, в семнадцать лет он наконец получил право носить оружие.

Тогда его переполняла радость.

Холодная сталь хранила в себе его мечты — мальчишескую уверенность, что однажды он спустится в мир воинов, победит бандитов и демонов, прославит своё имя.

Но вместо славы его встретила жестокая реальность.

Извечный враг Куньлуня — секта Небесного Демона из Синьцзяна — подняла восстание.

Возвысив своё знамя с целью объединить мир боевых искусств под своей властью, демоническая секта первым делом ударила по Куньлуню — вратам Центральных Равнин.

Гора, некогда укутанная безмятежными облаками, теперь отзывалась криками и страданиями.

Главная вывеска школы Куньлунь, некогда гордость всей секты, валялась расколотой надвое.

От отшельников-старейшин до самых юных учеников — все взялись за оружие, но врагов было слишком много.

Элита Демонической секты, обученная извращённым боевым искусствам, наступала волна за волной, а павшие восставали вновь, превращённые в бездушных марионеток.

Казалось, само пекло спустилось на землю.

Я хочу бежать.

Слёзы подступили к горлу. Меч в руке казался невыносимо тяжёлым.

Он держался из последних сил.

Передовая давно пала; тех, кто бежал, настигали метательные ножи в спину.

Егёль выжил лишь потому, что другие умерли первыми.

И всё же — даже на этом безнадёжном поле боя — один человек сиял ярче всех.

Старший брат...

Вдалеке он увидел Чэ Халяня.

Тот, ведя мирных жителей к безопасному пути из территории секты, остался, чтобы сдерживать натиск врага.

Синий дугообразный свет его меча, Тэчхун, рассекал хаос, словно живое пламя.

Чэ Халянь был гением — талант, о котором говорили с благоговением даже в многовековой истории школы Куньлунь.

Старейшины восхищались его доблестью, ученики шептали легенды о его благородных поступках.

Секта, давно пришедшая в упадок в горах Цинхая, верила: именно Чэ Халянь возвратит ей былую славу.

Даже окружённый врагами, он стоял, а вокруг него громоздилась гора поверженных.

Если бы судьба даровала ему ещё несколько лет, по всему миру боевых искусств слагали бы песни — о герое Куньлуня, сокрушившем вторжение демонического культа.

Но Чэ Халянь был драконом, которому ещё не суждено было вознестись.

— Ха! Малец, а дерёшься ты не хуже взрослых!

Лорд Демонов рассмеялся, его лицо было залито кровью — своей и чужой. Смех его был чудовищным, отвратительным.

— Ну что? Даже сейчас, если преклонишь колени и станешь моим учеником, я дарю тебе милость Небесного Демона.

Халянь не ответил. Лишь крепче перехватил меч.

Но движения, некогда плавные, как облака, плывущие по небу, становились всё тяжелее.

Будто мрачные, уродливые руки схватили его за лодыжки, утягивая в землю.

— Куньлунь уже пал. Даже если ты иссушишь себя в попытке защитить его, конец всё равно один.

Демон щёлкнул языком, играючи отбивая клинок Халяня — поддевая, отпуская, вновь задевая, как кошка, издевающаяся над пойманной добычей.

Зрелище было невыносимым.

И всё же Егёль не мог заставить себя двинуться вперёд.

— ...Куньлунь не падёт.

В глазах Халяня вспыхнул вызов, а голубое сияние меча Тэчхун отразило его непоколебимую волю.

— Демоническая секта попирала Куньлунь бесчисленное количество раз. Но мы всегда поднимались вновь.

На протяжении всей истории Куньлуня секта Небесного Демона была его вечным

противником.

Пойти в Центральные Равнины, не уничтожив сперва Куньлунь, означало навлечь на себя гибель.

К тому же их демонические искусства и небесные техники Куньлуня были полными противоположностями — каждая из них была губительна для другой.

Они были врагами, связанными самой судьбой.

— Моя смерть не конец. Куньлунь — не имя, которое можно убить.

Каждый раз, когда Демоническая секта поднималась, Куньлунь падал на колени. И каждый раз — вставал вновь.

В голосе Чэ Халяня звучала эта истина — твёрдая, как скала.

Егёль помнил, как тайком, ночами, лежа под одеялом, слушал шёпот других учеников, рассказывающих о подвигах Халяня.

Герой тех рассказов — великий ученик Куньлуня — сейчас стоял перед ним.

Грудь, сдавленная отчаянием, наполнилась восхищением и гордостью.

— Вот как...

Улыбка исказила губы демона.

Сердце Егёля оборвалось.

Смех, что ещё недавно раздавался в воздухе, исчез, уступив место лишь убийственному намерению.

Не успев подумать, Егёль двинулся.

Он использовал «Восемь форм Облачного Дракона» — технику, за медлительность в которой учитель всегда его бранил.

Дракон, взмывший на облаках, рассёк поле боя одним стремительным движением.

Не осознавая, что делает, Егёль бросился между Чэ Халянем и демоном.

Чёрная рука прошила его грудь насквозь.

На короткий миг растерянности врага меч Халяня, сияющий лазурным светом, вонзился прямо в лоб демона.

— Гх....!

Клинок выскользнул из дрожащих пальцев Халяня.

Его руки, в крови, подхватили падающее тело Егёля.

Егёль попытался заговорить — позвать старшего брата — но кровь хлынула из горла, окрашивая некогда белые одежды Халяня в багряный цвет.

— Старший... брат...

— Что... это?..

Лицо Халяня, бледное как смерть, несмотря на брызги крови, застыло в неверии.

Даже человек, стоявший без страха перед самим Лордом Демонов, теперь казался потерянным.

Он — гордость Куньлуня, гений, которому все поклонялись, в то время как Егёль всегда оставался в тени — самым младшим, незаметным.

— Т-ты должен жить...

Егёль выдавил слова, захлёбываясь кровью. Но он обязан был это сказать.

— Живи. Пожалуйста... живи.

Слабо, почти нежно, он толкнул Халяня в грудь.

И человек, казавшийся прежде столь же непоколебимым, как сама гора Куньлунь, пошатнулся от этого лёгкого прикосновения.

И лишь тогда Егёль понял — его смерть спасла жизнь старшего брата.

Он улыбнулся. Едва, почти безжизненно.

Забыл даже о боли.

Если старший брат выживет — он сохранит наследие Куньлуня, восстановит его честь и вновь поднимется против демонической секты.

Сила покидала тело.

С последним вздохом Егёль закрыл глаза.

— Нет! Мой ученик! Мой ученик!..

Отчаянный крик преследовал его в тишине, не находя ответа.

Так мечта Куньлуня стала мечтой Егёля.

Егёль очнулся, обливаясь холодным потом, задыхаясь, как после погружения в ледяную воду. Но перед глазами простиралась лишь тьма.

Звуки автокатастрофы — крики родителей, визг ломающегося металла — вновь и вновь разрывали его сознание.

Голова пульсировала болью, будто кто-то бил по ней огромным гонгом.

Последствия буйства исказили его восприятие, бросая в мир, изуродованный и беспорядочный.

— А... Ааааа!

Он вцепился в голову, тело содрогалось в судорогах.

Постой... я вообще трогаю голову?

Кончиков пальцев он не чувствовал.

Мир расплывался — видимое исчезало, осязаемое ускользало.

Страх вцепился когтями в грудь.

Остались лишь звук, боль и память.

Он снова был на том шоссе, в тот самый момент аварии.

Кто-то схватил его за плечи, крепко удерживая.

— Егёль! Егёль! Приди в себя!

Он вырывался, царапался, толкал того, кто удерживал его, не осознавая, что его зовут по имени.

Посреди хаоса мыслей и боли в голове мелькала лишь одна мысль — тот, кто держит его, один из нападавших.

— Отпусти! Отстань от меня!

В отчаянных попытках вырваться одежда соскользнула с плеч.

Тот, кто удерживал его, повалил Егёля, мягко прижимая к чему-то мягкому под ними.

— Успокойся! Так ты себе язык прикусишь, если не...

В тот миг чья-то ладонь коснулась его кожи — и тепло разлилось по телу, начиная с точки соприкосновения и доходя до самых кончиков пальцев.

И тогда Егёль понял: он не ослеп — его глаза просто были чем-то прикрыты.

— Когда придет лекарь?

Знакомый голос, теперь более напряжённый, обратился к кому-то поблизости.

Да, перед тем как потерять сознание... он встретил своего гида.

И этим гидом был...

— С-старший брат...

Слова сорвались вполголоса, едва слышно, сквозь затуманенное сознание.

— Да. Узнаёшь меня?

Чёрная ткань, прикрывавшая глаза, наполовину сползла во время борьбы.

Сквозь размытое зрение Егёль увидел силуэт Чэ Халяня и слабо кивнул.

Наверное, он упал в обморок.

Это объясняло всё. Его тело и без того было на пределе после буйства, а краткое прикосновение гида просто исчерпало последние силы.

Даже странные ощущения при пробуждении теперь имели смысл — Халянь, должно быть, отпустил его, не зная, что его прикосновение было спасением.

— Больно...

Егёль прошептал, зарываясь лицом в объятия своего гида.

Даже во второй жизни он никогда не позволял себе так цепляться за кого-то, как ребёнок.

Руки Халяня крепче сжали его дрожащие плечи, всё ещё сотрясаемые воспоминаниями о смерти.

— Потерпи немного. На этот раз я клянусь...

В его голосе звучала дрожащая нежность, которой Егёль не понимал.

И всё же он кивнул, слабо, не зная даже, чему соглашается.

Тело было обессилено, опустошено после вспышки силы.

Мир покачнулся, и, чувствуя, как уходит остаток сил, Егёль вцепился в одежду Халяня.

— Р-руку... пожалуйста, держи мою руку...

Просьба прозвучала странно, но Халянь не колебался ни мгновения.

Егёль переплёл их пальцы, прижал руку старшего брата к своей груди и прошептал:

— Не оставляй меня одного. Обещай... обещай, что не уйдёшь.

<http://bllate.org/book/12382/1104347>